

Татарский И. А. Религиозно-романтическая поэма Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим»: (Литературная характеристика) // Богословский вестник 1901. Т. 1. № 4. С. 640–664 (2-я пагин.). (Начало.)

Религиозно-романтическая поэма Торквато Тассо: „Освобожденный Иерусалим“.

(Литературная характеристика).

Въ исторической жизни народовъ иногда встрѣчаются эпохи, когда разрѣшеніе тѣхъ или иныхъ литературныхъ, художественныхъ проблемъ является какъ бы обще-національнымъ дѣломъ. Такъ, именно, случилось въ Италіи ко времени выстушенія здѣсь на литературное поприще Торквато Тассо.

Дѣло въ томъ, что къ этому времени, въ произведеніяхъ италіанскихъ эпиковъ: Пульчи, Чьекко, Боярдо и въ особенности Аріосто, важнѣйшіе сюжеты средневѣковыхъ рыцарски-романтическихъ сказаній были уже совершенно исчерпаны и при томъ въ такой высоко художественной формѣ, что для послѣдующихъ поэтовъ не оставалось въ этой области ничего, кромѣ неизбѣжныхъ подражаній и болѣе или менѣе бесплодныхъ распространеній. Съ другой стороны, подъ влияніемъ широкаго распространенія въ Италіи знакомства съ памятниками древне-классической литературы, самый вкусъ италіанской публики значительно уже отвратился къ этому времени отъ наивной романтической формы поэзии. Отсюда, въ литературныхъ кругахъ того времени, самъ собою явился вопросъ: возможно ли на новомъ языкѣ произвести эпосъ по образцу древне-классическихъ поэтовъ — Гомера и Виргилія?

Разрѣшеніемъ этого вопроса не замедлили заняться здѣсь нѣкоторые поэты, строго примыкавшіе въ своихъ произведеніяхъ къ образцамъ древнихъ и при томъ дѣйствовавшіе на этомъ пути по всѣмъ правиламъ лѣтики Аристотеля.

Наибольше значительнымъ изъ нихъ можно назвать Джіовани—Джорджіо Триссино (1478—1550 г.). Триссино, будучи рабскимъ подражателемъ древнихъ, испробовать трагедію съ античнымъ хоромъ, теокритовскую идиллію, гораціанскія оды и, наконецъ, употребилъ двадцать лѣтъ труда, чтобы обогатить свою націю настоящей героической эпопеей, извѣстной подъ названіемъ „Освобожденная Италія“. Въ поэмѣ этой онъ, насколько лишь было возможно, близко придерживался Гомера и даже примѣнилъ неримованный стихъ къ ея внѣшней обработкѣ. Но всѣ эти попытки не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Италіанская публика того времени совсѣмъ не была приучена къ серьезнымъ октавамъ Триссино: строгая античная правильность формы, не пригодная для наивнаго способа представленія, казалась ей просто утомительною и скучною.

Мало того: послѣ этихъ неудачныхъ опытовъ, въ литературныхъ кругахъ Италіи явилось почти признаннымъ, что поставленный вопросъ о примѣненіи античныхъ формъ къ романтическому содержанію слѣдуетъ рѣшать отрицательно. Распространилось мнѣніе, что исполненный торжественной важности ритмъ гекзаметра и большое обиліе согласныхъ естественнымъ образомъ дѣлаютъ латинскій языкъ болѣе наклоннымъ и пригоднымъ для воинственной героической эпопеи, которая, само собою разумѣется, требуетъ и въ соблюденіи формы большаго художественнаго единства. Напротивъ того, италіанскій языкъ, при свойственной ему полнотѣ гласныхъ и необыкновенному богатству риемы, является будто-бы болѣе удобнымъ и приличнымъ лишь къ выраженію любви которое естественнымъ образомъ можетъ проявляться только въ поэмѣ, менѣе строго выдержанной, по своей внѣшней формѣ.

Правда, такое мнѣніе не было безусловно господствующимъ. Нѣкоторые ученые—поэты того времени продолжали еще придерживаться противоположныхъ воззрѣній и не отказывались совершенно отъ положительнаго рѣшенія поставленной задачи, не смотря на всю ея трудность. Представителемъ ихъ является Маркъ Іеронимъ Вида (1490—1566 г.), изложившій свои воззрѣнія на предметъ въ поэмѣ: *Ars poetica*, трактующей, правда, не столько о правилахъ поэзіи, сколько о воспитаніи поэта. Вида, желая воспитать поэта на

какомъ бы то ни было языкѣ, заставляеть его здѣсь прежде всего изучать *Виргилія*, котораго онъ называетъ истиннымъ сыномъ *Аполлона*. Въ этомъ отношеніи поэта его составляетъ какъ бы родъ апотеоза римскому поэту: „прежде всего“, говоритъ онъ, „уважай *Марона*, ему только слѣдуй и шествуй по его стопамъ“¹⁾. Кромѣ того извѣстно, что и въ Университетахъ того времени объясняема была съ каедръ пѣтика *Аристотеля*, пользовавшагося тогда безусловнымъ авторитетомъ. Его изреченія въ этой области, какъ и во всѣхъ вообще другихъ отрасляхъ знанія, почитались здѣсь чуть ли не наравнѣ съ законами природы.

Въ такой то историческій моментъ литературной жизни *Италіи*, молодой человекъ, имѣвшій всего лишь восемнадцать лѣтъ отъ рожденія, но судьбою поставленный въ самомъ центрѣ этихъ литературныхъ споровъ, возмѣлъ намѣреніе написать большую героическую поэму и при томъ на новомъ, теперь почти всѣми уже оставленномъ пути. Это и былъ знаменитый *Торквато Тассо*.

I.

Возникновенію и послѣдующему за тѣмъ успѣшному выполненію этого намѣренія какъ нельзя болѣе содѣйствовали обстоятельства личной жизни *Торквато Тассо*. Когда впервые родилась у него мысль подарить своему отечеству большую героическую поэму, составленную по образу древнихъ, онъ учился еще въ *Падуанскомъ университетѣ*, куда былъ опредѣленъ отцомъ своимъ, *Бернардо Тассо*, для изученія юридическихъ наукъ. Этотъ послѣдній, будучи самъ второстепеннымъ поэтомъ и недовольный по личному опыту скудною, необезпеченною жизнію тогдашнихъ литературныхъ дѣятелей, настойчиво старался отклонить своего сына отъ занятій поэзіей, указывая ему на прибыльную юридическую карьеру. Но ни личныя наклонности, ни воспитаніе, полученное юношей до сего времени, нисколько не располагали его къ этому.

Самъ *Бернардо* велъ скитальческую жизнь и *Торквато*, сопровождавшій его, по собственнымъ словамъ его, какъ

¹⁾ Leopold Ranke: Zur Geschichte der italienischen Poesie, 59 p.

Асканій Энея, исколесилъ съ нимъ, можно сказать, половину Италіи. Изъ іезуитской школы въ Неаполѣ, онъ былъ десятилѣтнимъ мальчикомъ переведенъ въ Римъ; отсюда онъ сопровождалъ своего отца сперва въ Бергамо, потомъ въ Пезаро и, наконецъ, въ Бенедиджъ. Само собою разумѣется, что такое непостоянство въ мѣстопробываніи, при нестромъ разнообразіи впечатлѣній, при измѣнчивости настроенія въ путникахъ, столь долго искавшихъ своего счастья и вездѣ зависѣвшихъ только отъ благопріятнаго оборота обстоятельствъ,—ни коимъ образомъ не могло развить въ юношѣ склонность къ тому методическому и строго выдержанному изученію, какого необходимо требовали юридическія науки.

Съ другой стороны, Торквато Тассо, будучи еще мальчикомъ, принималъ участіе въ поэтическихъ трудахъ своего отца: онъ переписывалъ на бѣло нѣсколько отрывковъ его „Амадиджа“¹⁾, заботился объ его корреспонденціи, также составлявшей въ то время довольно значительную отрасль литературной дѣятельности. Естественно, что такія занятія весьма рано возбудили собственныя необыкновенныя дарованія юноши: его воспріимчивому, чувствительному, склонному къ любви и меланхоліи сердцу открывалась здѣсь обильная пища и онъ былъ всецѣло охваченъ и поглощенъ тою особенною прелестію, какая представляется вообще для юношескаго честолюбія въ занятіяхъ литературою. Понятно теперь, что сухое занятіе юриспруденціей очень мало привлекало юнаго поэта. Не смотря на то, что онъ впоследствии блистательно выдержалъ публичный диспутъ и получилъ достоинство доктора, право онъ вовсе даже и не считалъ наукою, будучи совершенно увлеченъ предметомъ, къ которому чувствовалъ естественное призваніе.

При такомъ настроеніи Торквато Тассо, случилось во время занятій его въ Падуанскомъ университетѣ одно обстоятельство, ближайшимъ образомъ натолкнувшее его на указанное грандіозное предпріятіе. Ежедневно упражнясь здѣсь въ стихотворствѣ, онъ будучи еще семнадцати лѣтъ, написалъ

¹⁾ Стихотворная передѣлка извѣстнаго романа объ Амадисѣ Гальскомъ, бывшаго въ особенномъ распространеніи въ Испаніи и написанаго португальцемъ Васко де Лобейрою.

поэму, подъ названіемъ „*Ринальдо*“, состоящую изъ двѣнадцати пѣсней и посвященную кардиналу д'Эсте. Не смотря на протесты отца, поэма, по настоянію кардинала, была напечатана въ Венеціи въ 1562 году и имѣла чрезвычайный успѣхъ во всей Италиі, пораженной необыкновенными дарованіями юнаго воспитанника университета. Такой успѣхъ, естественно, придавъ молодому поэту много увѣренности въ собственныхъ силахъ и онъ съ энтузіазмомъ схватился за болѣе грандіозный планъ, выполнение котораго наполнило съ этихъ поръ всю его остальную жизнь и поставило имя его на ряду съ славнѣйшими именами въ исторіи литературы. Именно: онъ рѣшилъ сдѣлать завоеваніе Іерусалима крестоносцами во время перваго крестоваго похода предметомъ большой героической эпопеи, съ тѣмъ, чтобы слить въ ней бывшіе во вкусъ времени романтическіе вымыслы съ пробужденными къ жизни образцами классической древности.

При обстоятельствахъ новаго времени трудно вообще поставить поэтическому произведенію какое-нибудь особенное значеніе безъ серьезной подготовки и болѣе или менѣе значительнаго внутренняго напряженія. Поэтому Торквато Тассо, какъ только возымѣлъ мысль написать большую героическую поэму, немедленно принялся готовить себя къ надлежащему выполненію этого намѣренія, обнаруживъ здѣсь необыкновенную ревность и не по лѣтамъ зрѣлую разсудительность. Онъ посвятилъ себя всецѣло философскимъ, историческимъ и литературнымъ занятіямъ, не замедливъ стать въ непосредственное соприкосновеніе съ тѣми изъ своихъ современниковъ, которые занимались подобными опытами, чтобы имѣть возможность сравнивать свои мнѣнія съ чужими. Однажды, именно, во время пребыванія своего въ Урбино, онъ хотѣлъ уже приступить къ композиціи своей поэмы, но почувствовалъ необходимость снова возвратиться къ своимъ теоретическимъ изысканіямъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ продуктивныхъ умовъ, которые въ творческой дѣятельности своей непремѣнно исходятъ изъ строго опредѣленной, ясно сознанный теоріи и стремятся прежде всего образовать ее въ себѣ, чтобы затѣмъ получить болѣе совершенное произведеніе. Наконецъ, на 21-мъ году своей жизни (1564 г.), Торквато Тассо,

чтобы окончательно утвердиться въ своихъ воззрѣнiяхъ на предметъ, составилъ подробнѣйшiй трактатъ, подъ заглавiемъ: „*Разсужденiя о героической поэми*“ (Discorsi del poëma heroico), изложивъ его въ формѣ трехъ писемъ къ своимъ друзьямъ. Трактатъ этотъ замѣчателенъ не столько глубокому и широкому обоснованiю раскрываемаго въ немъ предмета, сколько потому, что въ немъ подробно развиваются тѣ идеи, которыя предшествовали знаменитому произведенiю Торквато Тассо и были имъ положены въ его основанiи.

Наиболѣе замѣчательно въ этихъ разсужденiяхъ о героической поэми Торквато Тассо то положенiе, которое онъ занялъ по отношенiю къ упомянутымъ нами литературнымъ спорамъ его времени. Вотъ въ какихъ характерныхъ чертахъ самъ онъ изображаетъ здѣсь эти споры: „единство дѣйствiя въ наши времена дало поводъ къ различнымъ и длиннымъ пренiямъ между тѣми, которыхъ литературный гнѣвъ доводитъ до войны. Иные признали это единство необходимымъ, другiе напротивъ думали, что множество дѣйствiй приличнѣе для героической поэмы... Защитники единства ссылаются на власть Аристотеля, на величiе древнихъ греческихъ и латинскихъ поэтовъ; у нихъ нѣтъ недостатка въ разумномъ оружii. Но имъ сильно противоборствуютъ: обычай современнаго вѣка, всеобщее согласiе дамъ, кавалеровъ и дворовъ и наконецъ опытъ, эта несокрушимая опора истины. Ариосто пренебрегъ слѣдами древнихъ писателей и правилами Аристотеля, обнялъ въ поэми своей многiя дѣйствiя и не смотря на то, его читаютъ и перечитываютъ всѣ возрасты и полы; знаютъ всѣ народы; онъ нравится всѣмъ; его слава живетъ и все юнѣетъ и летаетъ по устами смертныхъ; — а Триссино, который набожно подражалъ поэмамъ Гомера и соблюдалъ правила Аристотеля, читается немногими; рѣдко объ немъ вспомнить; онъ умеръ для свѣта и едва, едва найдешь его сочиненiя въ книжной лавкѣ, да въ кабинетѣ литератора“ ¹⁾. При такомъ положенiи вещей Торквато Тассо пришла въ голову превосходнѣйшая идея о возможности соединить преимущества обоихъ родовъ эпиче-

¹⁾ Ст. Шевыревъ: Теорiя поэзи въ историческомъ развитiи у древнихъ и новыхъ народовъ; 132—133 стр.

скаго представленія классическаго и романтическаго. „Большая часть публики“, рассуждаетъ онъ въ этомъ смыслѣ, „отвергаетъ единство фабулы, но только потому, что въ поэмахъ, гдѣ его наблюдаютъ, натываются вмѣстѣ съ тѣмъ на нездоровые нравы и неудачное изобрѣтеніе. Напротивъ, учеными порицается разнообразіе рыцарскихъ приключеній главнымъ образомъ отъ того, что въ произведеніяхъ, гдѣ его находятъ, были пренебрежены образцы древности и ея правила. Если бы кто спросилъ меня, кому слѣдуетъ подражать, древнимъ ли эпикамъ или новѣйшимъ романсаторамъ, то я придерживаюсь того мнѣнія, что слѣдуетъ приближаться къ обоимъ“ ¹⁾. Такимъ образомъ, Тассо совершенно подчиняется здѣсь правиламъ поэтики Аристотеля и признаетъ значеніе Гомера и Виргилія какъ образцовъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ считаетъ себя въ правѣ соединять единство, достоинство и правдоподобность дѣйствія, господствующія въ произведеніяхъ античныхъ поэтовъ, съ новѣйшими приемами и обычаями романтической поэзіи.

Въ особенности онъ настаиваетъ на соблюденіи единства дѣйствія въ героической поэмі и старается даже обосновать его необходимость на общихъ философскихъ соображеніяхъ. „Я считаю это единство“, рассуждаетъ онъ между прочимъ, „и пріятнымъ въ поэмі героической, и возможнымъ къ исполненію. Такъ, въ этомъ дивномъ дѣлѣ Божіемъ которое именуемъ міромъ, мы созерцаемъ небо усыпанное разнообразными звѣздами, нисходя ниже и ниже, видимъ, что воздухъ населенъ птицами, океанъ рыбами; на землѣ столько животныхъ и свирѣпыхъ, и кроткихъ; на землѣ и ручьи, и источники, и озера, и моря, и поля, и лѣса, и горы, тамъ цвѣты и плоды, здѣсь льды и снѣга, тамъ жилища и нивы, здѣсь пустыни и ужасы, — и не смотря на то, міръ, заключающій въ своемъ лонѣ столько разнообразныхъ предметовъ, одинъ, одна его форма и сущность, одинъ узелъ, связующій всѣ его части согласіемъ, возникшимъ изъ разногласія: нѣтъ въ немъ недостатка, — и все, что ни есть, служитъ въ немъ къ необходимости или къ украшенію. Подобнымъ образомъ, по моему мнѣнію, и превосходный поэтъ (который не почему иному именуется божественнымъ, какъ

¹⁾ Leopold Ranke: Zur Geschichte der italienischen Poesie. 61 p.

потому, что въ дѣйствіяхъ своихъ уподобляясь Верховному Художнику, становитя причастникомъ его божественности) создаетъ поэму, въ которой, какъ въ маломъ мірѣ, тамъ строятся войска, готовятся битвы на сушѣ и морѣ, осаждаются города, происходятъ единоборства, турниры, описываются голодь, жажда, бури, пожары, чудеса; собираются совѣты на небесахъ и въ аду; попеременно видны мятежи, раздоры, заблужденія, волшебства, подвиги жестокости, смѣлости, вѣжливости, великодушія, любви, то счастливые, то несчастные,—и не смотря на все это разнообразіе предметовъ, поэма должна быть единою, единою ея форма и душа, чтобы всѣ эти предметы другъ ко другу относились, одинъ отъ другаго зависѣли, чтобы по отнятіи одной части или по перемѣнѣ мѣста оной, разрушалось самое цѣлое“¹⁾.

Выработавъ такія воззрѣнія на внутреннее строеніе и общій характеръ предположенной героической поэмы, Торквато Тассо въ своихъ разсужденіяхъ касается вопроса и о той матеріи, какая можетъ явиться для нея наиболѣе подходящею. „Сюжетъ новой эпической поэмы“, разсуждаетъ онъ, „долженъ быть или христіанскій или еврейскій. Но онъ не можетъ быть взятъ изъ священной исторіи, этого основанія нашей вѣры; потому что было бы святотатственно что-нибудь измѣнять или вымышлять въ ней для пользы поэтическаго искусства. Въ христіанской исторіи сюжетъ можетъ быть взятъ изъ совершенно древней, средней и совершенно новой исторіи. Совершенно древняя исторія представляетъ ту выгоду, что поэтъ матерію, ставшую почти неизвѣстною, можетъ измѣнять и обрабатывать по собственному произволу и искусству; но за то изображеніе древнихъ нравовъ обыкновенно бываетъ скучно, потому что они слишкомъ чужды намъ и отдаленны. Послѣднее неудобство устраняетъ выборъ сюжета изъ совершенно новой исторіи, но за то онъ отнимаетъ у поэта свободу въ обработкѣ. Такимъ образомъ, выборъ сюжета изъ средней исторіи, изъ времени рыцарства, представляется самымъ лучшим“²⁾. Соображенія эти въ особенности важны потому, что они указываютъ на тѣ по-

1) Ст. Шевыревъ: Теорія поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ; 134—135 стр.

2) E. Ruth. Geschichte der italienischen Poesie, Th. II, 402—403 p.

бужденія, которыми руководился Торквато Тассо, избравъ, именно, первый крестовой походъ предметомъ для своей новой героической эпопеи.

Чтобы провѣрить свои мысли, Торквато Тассо позаботился представить ихъ своему отцу, литературныя мнѣнія котораго привыкъ уважать и который въ послѣдніе годы своей жизни нашелъ себѣ убѣжище въ Мантуѣ. Бернардо Тассо въ своемъ „Амадиджѣ“ преслѣдовалъ совершенно другіе принципы и даже съ намѣреніемъ нарушилъ единство дѣйствія въ этомъ лучшемъ изъ всѣхъ рыцарскихъ романовъ, руководясь мыслию, что оно не найдетъ себѣ одобренія у публики. Торквато предложилъ ему теперь свою теорію со всею горячностью молодаго ума, охваченнаго новымъ воззрѣніемъ на предметъ, и повидимому, до такой степени успѣшно, что отецъ, наконецъ, согласился. Бернардо выразился, что любовь къ сыну уничтожила въ немъ пристрастіе къ своей поэмѣ. Очевидно, онъ почувствовалъ, что слава сына была для него гораздо дороже, чѣмъ увѣковѣченіе собственнаго имени.

Окончательно утвердившись, такимъ образомъ, въ своихъ воззрѣніяхъ и не имѣя препятствій со стороны отца, Торквато Тассо приступилъ, наконецъ, къ изложенію своего творенія, получивъ въ 1565 году, мѣсто при феррарскомъ дворѣ. Здѣсь онъ столь же обдуманно, какъ до сихъ поръ планировалъ, работалъ надъ нимъ въ продолженіи десяти лѣтъ, разумѣется, не безъ нѣкоторыхъ перерывовъ. Вообще, это былъ живой и мыслящій человѣкъ: ступивъ разъ на новый путь въ эпическомъ искусствѣ, онъ самъ прекрасно сознавалъ, что ему стоило потрудиться, чтобы, соблюдая единство своей поэмы, завѣщанное классическою древностію, разсмотрѣть ближайшимъ образомъ его составныя части и связать съ нимъ какъ нельзя болѣе искусно бывшее во вкусѣ времени разнообразіе романтическихъ приключеній.

Въ этомъ отношеніи въ особенности нельзя не назвать чрезвычайно удачнымъ со стороны Торквато Тассо выборъ сюжета для своей эпопеи, въ высшей степени занимательнаго для христіанской публики его времени и представлявшаго всѣ удобства къ предположенному имъ соединенію въ своей поэмѣ классическаго элемента съ романтическимъ. Можно сказать, не обинуясь, что изъ всѣхъ христіанскихъ

эпическихъ поэтовъ ни одинъ не былъ такъ счастливъ въ этомъ выборѣ предмета для задуманнаго имъ произведенія, какъ именно Тассо, воспѣвавшій величайшее дѣяніе среднихъ вѣковъ и одинъ изъ самыхъ величественныхъ моментовъ въ продолжительной исторической борьбѣ христіанства съ магометанствомъ. Но что представлялось здѣсь наиболѣе важнымъ для нашего поэта, такъ это то обстоятельство, что избранный имъ моментъ исторіи, на подобіе Троянской войны, былъ самымъ благоприятнымъ для широкаго развитія эпическаго дѣйствія и по богатству проявившихся въ немъ отношеній во многомъ заключалъ въ себѣ прямое сходство съ безсмертною Иліадою Гомера.

Подобно разрозненнымъ племенамъ древнихъ грековъ, сошедшимся у стѣнъ Иліона, всѣ западные народы, во время перваго крестоваго похода, забываютъ свою національную вражду, соединяясь неразрывнымъ союзомъ для совершенія одного великаго подвига. Основаніемъ къ такому соединенію, какъ и во времена Гомера, служить не какой либо политической интересъ, выдвинутый прозанческими соображеніями извѣстнаго правителя, но свободное внутреннее расположеніе, къ которому не обязывало героевъ никакое принужденіе власти и которому всякій изъ нихъ могъ оставаться вѣрнымъ или измѣнить по своему собственному произволу. Отъ владѣтельнаго князя и до послѣдняго воина, крестоносцы дѣйствуютъ здѣсь по своему личному рѣшенію: каждый повинуется здѣсь той власти, которую онъ самъ же избралъ и приноситъ тѣ жертвы, которыя одобряло его собственное сердце. Поэтому эпоха, избранная Тассо, въ поэтическомъ отношеніи, соединяетъ въ себѣ всѣ выгоды эпохи, воспѣтой Гомеромъ: герои того и другого являются въ сферѣ истинной самостоятельности.

Но этого мало: можно сказать, что въ другихъ отношеніяхъ первый крестовый походъ далеко превосходитъ даже славный походъ грековъ подъ Трою. Этотъ послѣдній былъ чисто героическимъ предпріятіемъ. Участвовавшія въ немъ лица стремились здѣсь только выразить полноту собственныхъ воинственныхъ силъ, такъ какъ поводомъ къ нему было совершенно частное дѣло, касавшееся частнаго лица. Несравненно высшій характеръ и потому болѣе существенный интересъ представлялъ собою первый крестовый походъ,

избранный Торквато Тассо. Онъ былъ предпринять подвѣляніемъ высокихъ религіозныхъ побужденій: въ его основаніи лежало безкорыстное желаніе освободить гробъ Господень изъ подъ варварскаго владычества невѣрныхъ мусульманъ. Поэтому лица, принимавшіе въ немъ участіе, имѣли, особенно въ глазахъ современной поэту публики, совершенно идеальное значеніе. Люди, покинувшіе свою родину, свободно рѣшившіеся понести всевозможныя лишенія, не уклонившіеся отъ священной своей задачи среди всевозможныхъ неудачъ и, наконецъ, послѣ многихъ чрезвычайныхъ усилій, восторжествовавшіе надъ всѣми препятствіями,—такіе люди, безъ сомнѣнія, представляютъ собою самый лучший и благодарный сюжетъ для развитія эпическихъ изображеній.

Но соединяя въ себѣ столь благоприятныя свойства, во многомъ превосходящія даже представлявшійся поэту древнеклассическій образецъ, сюжетъ религіозной поэмы Торквато Тассо представлялъ собою въ то же время чрезвычайно благоприятную почву и для развитія романтическихъ приключеній, къ которымъ уже приучена была современная ему публика. Хотя избранная имъ матерія и является, по существу своему, чисто историческою, но она безконечно родственна тому романтическому содержанію, которое разнообразно варіировалось въ многочисленныхъ рыцарскихъ сказаніяхъ среднихъ вѣковъ и въ самой Италіи нашло уже себѣ наиболѣе удачную художественную обработку въ поэмѣхъ Пульчи, Боярдо и Аріосто. Завоеваніе Иерусалима крестоносцами представляетъ собою такое событіе, изъ идеи котораго происходили болѣею частью старыя романтическія сказанія и даже сама знаменитая сага о Роландѣ, одномъ изъ наладниовъ Карла Великаго: мы разумѣемъ здѣсь расширеніе христіанства посредствомъ меча и неконную историческую борьбу его противъ магометанства. Поэтому нельзя не признать, что нашего поэта руководилъ необыкновенно счастливый геній, если онъ, не вступая непосредственно въ фантастическую область средневѣковыхъ романтическихъ вымысловъ, обратился, всетаки, къ такому предмету, который составляетъ, можно сказать, ихъ всемірно-историческое основаніе, заключая въ себѣ основныя и наиболѣе существенныя ихъ элементы.

При такой родственности сюжета Тассовой поэмы старымъ

романтическимъ сказаніямъ, ближайшій поводъ и побужденіе къ обработкѣ его въ духѣ этихъ сказаній могла подавать и сама окружающая поэта дѣйствительность, которая еще была не совѣмъ чужда этому направленію. Во время жизни Торквато Тассо въ Италіи происходили еще открытыя рыцарскія игры. Въ 1562 году, напримѣръ, на Largo di S. Dominico въ Неаполѣ былъ наведенъ мостъ, въ подражаніе мосту въ „Неистовомъ Роландѣ“ Аріосто: рыцари Винченць и Карль Спинелло выдержали здѣсь борьбу противъ пятидесяти неаполитанскихъ и испанскихъ кавалеровъ. А когда Тассо прибылъ въ Феррару, ко двору герцога Альфонса д'Эсте, то онъ нашелъ здѣсь дворъ и городъ занятыми приготовленіями къ приему новой герцогини, Варвары Австрійской. По этому случаю были устроены блестящія рыцарскія игры и, между прочимъ, турниръ на дворцовой площади, въ которомъ принимало участіе сто рыцарей. — Конечно, явленія эти не были непосредственнымъ продуктомъ и выраженіемъ жизни: это были лишь вызванныя поэзіей отображенія минувшей дѣйствительности. Но, очевидно, что тогдашняя публика все еще находила въ нихъ удовольствіе и они безъ сомнѣнія, могли подѣйствовать на фантазію молодого поэта, натолкнувшася здѣсь на вещи, описаніемъ которыхъ онъ и пожелалъ украсить свое собственное произведеніе. Однимъ словомъ, въ современной поэту дѣйствительности не было недостатка въ такихъ аналогичныхъ случаяхъ, которые могли возбудить въ немъ собственный даръ поэтического изобрѣтенія въ направленіи старой рыцарской романтики.

Такимъ образомъ, сюжетъ „Освобожденнаго Іерусалима“ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ общимъ теоретическимъ воззрѣніямъ Торквато Тассо на задачи новой героической эпопеи. Онъ заключалъ въ себѣ чрезвычайное сходство съ сюжетомъ важнѣйшаго эпического образца классической древности, заранѣе обезпечивая поэту его ближайшес и ненасилованное примѣненіе. Въмѣстѣ съ этимъ онъ былъ глубоко родственнымъ и духу новаго времени, представляя собою всѣ удобства для привлеченія различныхъ романтическихъ вымысловъ, совершенно отвѣчавшихъ настроенію эпохи.—Тассо понялъ всѣ выгоды и преимущества своего сюжета и въ этомъ заключается немаловажная заслуга его

геніальной поэтической прозорливости. Сообразно строгому, величавому настроенію древняго эпоса, онъ обрабатываетъ свой предметъ не съ тѣмъ веселымъ и лукавымъ скептицизмомъ, который господствуетъ въ „Неистовомъ Роландѣ“ Аріосто, но съ серьезнымъ воодушевленіемъ поэта, разсматривающаго рыцарство, хотя и какъ прошедшее уже, но въ его дѣйствительномъ и истинномъ основаніи. Главнѣйшія лица и событія своей поэмы онъ заимствуетъ прямо изъ исторіи, въ ихъ реальной обстановкѣ, но представляетъ и тѣ и другія въ совершенно идеальномъ освѣщеніи. Его задача состояла здѣсь не въ томъ только, чтобы подробно раскрыть завоеваніе Іерусалима крестоносцами, какъ фактически совершившееся событіе, но главнымъ образомъ въ томъ, чтобы поэтически представить прекрасное состояніе религіозно-рыцарскаго духа. При этомъ Тассо въ своемъ произведеніи дѣлаетъ историческій разсказъ не простою лишь рамкою для романтическихъ вымысловъ собственной фантазіи, но поставляетъ его вмѣстѣ и цѣлю этихъ вымысловъ, ихъ исходной точкой, съ тѣмъ, чтобы начертать полную картину рыцарскаго духа во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ. Глубокая вѣра христіанскихъ рыцарей, ихъ идеальная любовь, несокрушимый героизмъ въ бояхъ и беззаветная благочестивая преданность ихъ своему призванію и долгу, — вотъ что составляетъ собственно главную тему его эпопеи. Но какъ все это осуществилъ на самомъ дѣлѣ нашъ поэтъ, можно усматривать, безъ сомнѣнія, лишь съ точки зрѣнія общаго содержанія его поэмы, къ изложенію котораго мы и должны теперь перейти.

II.

Въ своемъ разсужденіи о героической поэмѣ Торквато Тассо въ высшей степени методически и отчетливо различаетъ четыре части правильно развивающагося основнаго дѣйствія эпопеи. Первая часть его непременно должна представлять въ себѣ общее положеніе вещей; во второй части эпическое дѣйствіе должно попадать въ какое-нибудь замѣшательство; третья часть выводитъ его изъ этого замѣшательства и направляетъ къ счастливому исходу; наконецъ, въ четвертой части оно достигаетъ окончательной цѣли и

получаетъ свое полное завершеніе. Самъ Тассо называетъ эти четыре части настоящаго эпическаго дѣйствія: введеніемъ, замѣшательствомъ, поворотомъ и заключеніемъ ¹⁾. Сообразно съ этимъ онъ и развиваетъ основное дѣйствіе „Освобожденнаго Іерусалима“.

Подобно Илиадѣ Гомера, дѣйствіе эпопеи Тассо начинается не съ выступленія крестоноснаго воинства изъ Европы и не слѣдуетъ за нимъ шагъ за шагомъ; напротивъ, крестоносцы представляются находящимися уже шестой годъ на востокѣ: Сирія и часть Палестины были уже завоеваны ими въ это время. Но частныя предпріятія и раздоры вождей замедляютъ успѣхи ихъ оружія, когда Іерусалимъ находился отъ нихъ уже на разстояніи нѣсколькихъ миль. Господь обращаетъ свой милостивый взоръ на христіанское воинство: Онъ посылаетъ Готфреду Бульонскому ангела, вселяетъ единодушіе въ вождей и побуждаетъ ихъ избрать Готфреда главнымъ предводителемъ, предоставивъ ему верховную власть, которой онъ дотолѣ не имѣлъ. Готфредъ соединяетъ подъ своимъ руководствомъ отдѣльные отряды христіанскаго воинства и, воодушевивъ его, направляетъ къ Іерусалиму, царь котораго, Аладинъ, принимаетъ, съ своей стороны, мѣры къ защитѣ города отъ грознаго нашествія христіанъ (I пѣснь).

Въ своихъ защитительныхъ мѣропріятіяхъ Аладинъ опирается главнымъ образомъ на волшебника Исмена. Этотъ послѣдній, между прочимъ, совѣтуетъ царю отнять у христіанъ образъ Богоматери, хранящійся у нихъ на алтарѣ въ подземномъ гротѣ, и поставить его въ мечети. Этотъ образъ играетъ здѣсь роль древняго палладіума и пока онъ будетъ находится въ рукахъ мусульманъ, Іерусалимъ останется непобѣдимымъ. По поренесеніи образа въ мечеть, Исменъ пропозноситъ надъ нимъ свои богохульныя заклинанія; но уже на слѣдующее утро онъ чудесно исчезаетъ изъ неподобающаго ему мѣста. Христіане обвиняются въ похищеніи образа и послѣ того, какъ всѣ мѣры къ его розысканію оказались несостоятельными, Аладинъ, объятый яростію, издаетъ приказъ ко всеобщему истребленію христіанъ посредствомъ огня

¹⁾ E. Ruth: Geschichte der italienischen Poesie Th. II, 404 — 405 p. Справ. Н. Normann: Perlen der Weltliteratur, III B. 97 p.

и меча. Чтобы спасти своихъ единовѣрцевъ, юная христіанка Софронія принимаетъ героическое рѣшеніе выдать себя за преступницу. Царь, взбѣшенный самообвиненіемъ невинной, осуждаетъ ее къ сожженію. На пути къ мѣсту казни, къ сопровождающей ее толпѣ присоединяется Олиндъ, давно любящій Софронію и теперь выдающій себя также за преступника, чтобы ее спасти. Но въ тотъ моментъ, когда одинаковая мученическая смерть должна была соединить влюбленныхъ, является въ рыцарскомъ вооруженіи Клоринда, героиня мусульманскаго войска и, тронутая печальной участію невинной четы, испрашиваетъ ей у царя прощеніе.—Между тѣмъ христіанское воинство подошло уже къ Эмаусу, на разстояніи всего лишь полудня пути отъ Іерусалима. Два посла египетскаго царя предлагаютъ Готфреду миръ и дружбу, если онъ удовольствуется завоеванной до сихъ поръ страною, но Готфредъ отвергаетъ предложеніе (2 пѣснь).

На другой день, съ первымъ лучемъ свѣта, крестоносное воинство, отправляется къ Іерусалиму и скоро глазамъ его открывается священный городъ, послѣдній предѣлъ великаго предпріятія. Прекрасно выражены поэтомъ тѣ чувства, которыя волновали души христіанскихъ воиновъ при первомъ ихъ взглядѣ на Іерусалимъ; за первой минутой восторженной радости, наступило въ нихъ глубокое сокрушеніе сердца, смѣшанное съ чувствомъ страха и благоговѣнія:

И всѣхъ стопы и всѣхъ сердца
 Желанье окрыляло,
 И нѣтъ желанію конца.
 Но только солнце встало
 Вверху небесной синевы,
 И полдень разыгрался,—
 Завидѣли церквей главы,
 И градъ имъ открывался;
 И взоръ къ тебѣ, Ерусалимъ
 Пришельцы приковали:
 Ерусалимъ! Ерусалимъ!
 Стократъ они зывали.

Такъ смѣлая толпа пловцовъ,
 Влекомыхъ силою страсти

Искать безвѣстныхъ береговъ
 Въ далекой міра части,
 Блуждаетъ долго по морямъ,
 Конца пути не чая:
 Но лишь достигнетъ, по трудамъ,
 Желаемаго края,—
 Привѣтствуетъ его стократъ;
 Сердца восторга полны,
 Забыты скорби въ часъ отрадъ,
 Забыты грозны волны.

Но первый взглядъ, восторгъ небесъ
 Навѣявшій на рати,
 Разсѣялся; восторгъ исчезъ
 Въ минуту благодати:
 Въ сердцахъ проснулся и угоръ
 И страхъ и сокрушенье;
 Едва возвестъ дерзають взоръ
 На градъ—Христа селенье,
 Гдѣ—гость земли—Онъ привиталъ,
 Гдѣ умеръ, преданъ гробу,
 И въ свѣтломъ торжествѣ возсталъ,
 Поправши ада злобу,

Невнятный шумъ чуть слышныхъ словъ,
 Прерывистые клики,
 Плачевный вздохъ, молебный зовъ,
 И стонъ и говоръ дикій
 И гласъ веселья и скорбей
 Льютъ гулъ глухой въ долины
 И потрясають Эмширей.
 Такъ вѣтръ, взрывъ дровъ вершины,
 Въ дубравѣ воевъ вѣковой;
 Такъ море вѣроломно,
 Дробясь объ утесъ крутой,
 Въ пустыняхъ стонетъ томно.

Идутъ, стопы обнажены
 Ведомыхъ и вожатыхъ;
 Всѣ украшенья сложены,

И шлемовъ нѣтъ пернатыхъ;
 Не блещетъ злато при бедрѣ,
 И шолкъ не нѣжитъ тѣла:
 Весь міръ забытъ, всѣхъ мысль горѣ—
 На небо возлетѣла:
 Всѣхъ очи пламень слезъ струятъ
 И, полны благодати,
 Себя въ холодности винятъ
 Растроганныя рати:

„Вотъ край земли, гдѣ ты, мой Богъ,
 Токъ крови лилъ въ страданьи;
 И я, безчувственный, возмогъ
 При скорбномъ вспомнаньи
 Не превратиться въ токи слезъ?
 И ты, о сердце льдяно!
 Не все по каплямъ излилось
 Изъ-подъ груди мѣдяной?
 И ты могло окаменѣть?..
 Плачь вѣчно, если нынѣ
 Слезамъ не можешь повелѣть
 И тонуть въ ихъ пучинѣ“¹⁾.

На встрѣчу крестоносному воинству Аладинъ высылаетъ изъ Іерусалима отряды мусульманъ подъ предводительствомъ своихъ храбрѣйшихъ военачальниковъ, а самъ, подобно Пріаму въ Іліадѣ, отправляется на башню наблюдать за ходомъ сраженія. Въмѣсто Елены Гомера, свѣдѣнія о христіанскихъ рыцаряхъ ему даетъ здѣсь Эрминія, дочь царя Антіохіи, влюбленная въ благороднаго христіанскаго рыцаря Танкреда, хотя отецъ ея и потерялъ свою жизнь въ борьбѣ съ христіанами. Самъ Танкредъ, между тѣмъ, прельщенъ образомъ Клоринды, встрѣченной имъ ранѣе у ручья; но, не узнавъ ея въ этой битвѣ, вступаетъ съ нею въ единоборство, которому воспрепятствовало однакожь замѣшательство, происшедшее отъ общаго бѣгства мусульманъ предъ христіанами. Со стороны христіанъ также пали многіе рыцари и между ними знаменитый Дудонъ, убитый черкесомъ Ар-

¹⁾ Торквато Тассо: „Освобожденный Іерусалимъ“ III, п. 102—105 стр. Перев. С. А. Раича. М. 1828 г.

гантомъ. Готфредъ, убѣдившись, что еще не время отваживаться на рѣшительный приступъ, спѣшить видѣть трупъ Дудона, оплакиваемый друзьями, и отдаетъ приказъ рубить находящійся вблизи Іерусалима вѣковой лѣсъ, чтобы строить изъ него различныя машины, необходимыя для осады (3 пѣснь).

Вотъ здѣсь то и начинается собственно настоящее дѣйствіе эпопеи, т. е. именно, та ея часть, которую самъ Тассо называетъ замѣшательствомъ и къ которой все изложенное до сихъ поръ служить лишь введеніемъ.—Между тѣмъ какъ крестоносцы готовы были уже нанести окончательный ударъ своимъ врагамъ, защитникомъ этихъ послѣднихъ является адъ. Согласно съ христіанскимъ понятіемъ объ отверженныхъ духахъ поэтъ представляетъ намъ здѣсь ихъ искусительную дѣятельность. Оружіе, съ какимъ выступаетъ у него адъ, намъ реваясь воспрепятствовать святому дѣлу крестоносцевъ, избирается именно то, противъ котораго всего меньше могли устоять христіанскіе рыцари. Рыцари вообще отличались, какъ извѣстно, благоговѣйнымъ уваженіемъ красоты, олицетворяемой въ женщинѣ: на эту-то сторону рыцарскаго характера и нападаетъ здѣсь духъ злобы.—По его внушенію, владѣтель Дамаска Идраотъ посылаетъ въ станъ крестоносцевъ свою племянницу, волшебницу Армиду. Армида является въ станъ рыцарей подъ видомъ несчастной царевны, насильственно изгнанной дядей изъ собственныхъ ея владѣній. Она проситъ Готфреда отпустить съ нею часть рыцарей для наказанія похитителей престола, надѣясь, такимъ образомъ, разрознить и ослабить силы крестоносцевъ. Готфредъ послѣ долгихъ колебаній соглашается, наконецъ, уважить ея просьбу и позволить сопровождать Армиду десяти рыцарямъ, избраннымъ по жребію. Число это было, очевидно, слишкомъ незначительно; но сама Армида лукавствомъ и своими прелестями сумѣла его увеличить. Вслѣдъ за избранными устремилась цѣлая толпа другихъ добровольныхъ защитниковъ угнетенной красоты и крестоносное войско лишилось, поэтому, почти половины своихъ лучшихъ героев.—Ущербъ этотъ не былъ еще слишкомъ ощутителенъ для христіанскаго войска, пока въ его станѣ находился знаменитый италіанскій рыцарь Ринальдо, стольже необходимый для достиженія крестоносцами предположенной цѣли,

какъ и Ахиллесъ въ станѣ Ахейцевъ. Но по случаю избранія, на мѣсто павшаго Дудона, новаго начальника надъ отборнымъ отрядомъ крестоносцевъ, Ринальдо поссорился съ Норвежскимъ принцемъ Гернандомъ и убилъ его въ единоборствѣ. Готфредъ требуетъ его къ себѣ на судъ какъ преступника, нарушившаго законъ братолюбія, связывавшій войско христіанъ и потому достойнаго смертной казни. Отсюда, между главнымъ военачальникомъ и юнымъ героемъ возникаетъ раздоръ, напоминающій вражду Агамемнона съ Ахиллесомъ. Ринальдо, не хотѣвшій въ видѣ преступника явиться предъ Готфредомъ, удаляется изъ стана крестоносцевъ и становится добычею прельстившей его Армиды. Это удаленіе могущественнѣйшаго изъ героевъ христіанскаго войска имѣло такое же вліяніе на военные успѣхи крестоносцевъ, какое имѣло удаленіе Ахиллеса на дѣла Грековъ подъ Троею (4 п 5 п.).

Въ то время, какъ въ лагерѣ христіанскаго воинства происходятъ такіа несогласія, положеніе мусульманъ въ осажденномъ городѣ, напротивъ, значительно улучшается. Дикій черкесь Аргантъ испрашиваетъ у Аладина дозволеніе вызвать на единоборство двухъ христіанскихъ рыцарей въ присутствіи всего войска. Оттонъ, первый изъ сражающихся съ нимъ рыцарей, дѣлается его плѣнникомъ; но тѣмъ ожесточеннѣе становится борьба его со вторымъ рыцаремъ, храбрымъ Танкредомъ. При наступленіи ночи оба они оказались тяжело раненными и Эрминія, знающая цѣлебныя травы, по принужденной взять на свое попеченіе Арганта, тайно покидаетъ городъ, чтобы предложить свое лѣченіе Танкреду. Съ цѣлю вѣрнѣе выбраться изъ города, она переодѣлась въ вооруженіе Клоринды, но понявъ, что чрезъ это она подвергаетъ себя въ христіанскомъ лагерѣ слишкомъ большой опасности, обращается оттуда въ поспѣшное бѣгство. Танкредъ, не смотря на свою рану, спѣшитъ за нею въ надеждѣ видѣть Клоринду и, думая, что идетъ по ея слѣдамъ, попадаетъ въ волшебный замокъ Армиды, становясь ея плѣнникомъ. Это производитъ большое замѣшательство въ лагерѣ христіанъ; такъ какъ дѣло идетъ о томъ, чтобы окончить прерванный съ наступленіемъ ночи поединокъ. Вслѣдствіе отсутствія храбрѣйшихъ изъ молодыхъ рыцарей, плѣненныхъ Армидою, въ единоборство съ дикимъ мусульмани-

номъ принужденъ вступить достопочтенный старецъ, графъ Тулузскій Раймондъ. Богъ посылаетъ ему ангела на помощь и Раймонду удается ранить Арганта; но этого послѣдняго защищаетъ Вельзевулъ, побуждающій одного изъ лучшихъ стрѣлковъ мусульманскаго войска пустить стрѣлу въ Раймонда. Готфредъ, возмущенный столь наглýmъ нарушеніемъ условій поединка, пускаетъ въ дѣло войска. Происходитъ общее сраженіе, но „духи тьмы“ отънимаютъ у христіанъ побѣду, напуская на нихъ страшный ураганъ:

И дождь и вѣтры и гроза,
Сѣкутъ и бьютъ и рѣютъ
Крестовымъ воинамъ въ глаза.
Невольнo всѣ робѣютъ;
Разлился трепетъ по сердцамъ
И ужасъ потаенной.
Не всѣ стекались къ знаменамъ
Не виднымъ въ тьмѣ сгущенной ¹⁾.

Бѣдствія и замѣшательства въ христіанскомъ лагерѣ достигаютъ чрезвычайной степени, когда по распоряженію злаго демона Астрагора и фуріи Алекто сюда приносятся окровавленное оружіе Ринальда, будто бы тайно убитаго. Адъ съумѣлъ возвести подозрѣніе въ убійствѣ даже на самаго благочестиваго Готфреда и въ войскѣ христіанъ подымается мятежь, усмиренный Готфредомъ лишь съ помощью ангела. Къ довершенію бѣдствій, Алекто побуждаетъ Никейскаго султана Солимана произвести ночью нечаянное нападеніе на христіанскій лагерь. Арабы бѣшено устремляются на крестоносцевъ, въ то время какъ Клоринда и Аргантъ дѣлаютъ противъ нихъ вылазку изъ города. Подкрѣпляемые адскими духами мусульмане начинаютъ уже пріобрѣтать побѣду, тогда Господь посылаетъ на поле сраженія Архангела Михаила, который прогоняетъ всѣ адскія силы и тьмѣ доставляетъ возможность христіанамъ выдти изъ борьбы побѣдителями (6—8 п.).

Потерпѣвъ пораженіе, Аладинъ держитъ со своими военачальниками военный совѣтъ, на которомъ неукротимый Солиманъ своею пылкою рѣчью подымаетъ мужество пав-

¹⁾ „Освобожденный Іерусалимъ“ VII п. 125 стр.

шихъ духомъ мусульманъ. Между тѣмъ, въ лагерь крестоносцевъ, уже къ концу изображенной битвы, возвращаются, съ Танкредомъ во главѣ, христіанскіе рыцари, плѣненные Армидой. Они рассказываютъ Готфреду свои приключенія и то, какъ они были освобождены изъ плѣна Ринальдомъ. Ихъ возвращеніе и въ особенности извѣстіе, что Ринальдъ живъ, хотя все еще находится въ сѣтяхъ Армиды, исполняетъ радостію все крестоносное воинство. Готфредъ рѣшается теперь взять Іерусалимъ штурмомъ и готовится къ нему свои войска съ религіозною торжественностію. Въ происшедшей битвѣ Танкредъ и Готфредъ ранены и послѣдній такъ опасно, что едва ли бы остался живъ, безъ помощи ангела. Только наступившая ночь прекращаетъ борьбу сражающихся.—Во время этой ночи Клоринда и Аргантъ дѣлаютъ вылазку изъ осажденнаго города, чтобы зажечь башню, построенную христіанами для штурма. Напрасно сопровождающій героиню слуга, чтобы отклонить ее отъ опаснаго предпріятія, открываетъ, что она родилась христіанскою: башня запылала, объята пламенемъ; происходитъ ожесточенная схватка, въ которой Клоринда тяжело ранена неузнавшимъ ее Танкредомъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, она проситъ крещенія отъ Танкреда: тотъ приноситъ изъ ближайшаго источника воды въ шлемъ и совершаетъ священное таинство, будучи самъ исполненъ безпредѣльнаго отчаянія. Извѣстіе о смерти Клоринды подымаетъ въ Іерусалимѣ всеобщій неутѣшный плачъ и дикій Аргантъ клянется за нее отомстить (9—12 п.).

Единственное мѣсто, откуда можно было достать крестоносцамъ брусъ, необходимый для возстановленія ихъ осадныхъ машинъ, былъ упомянутый уже нами лѣсъ, стоявшій около осажденнаго города. И вотъ, чтобы воспрепятствовать этому, волшебникъ Исменъ спѣшитъ туда ночью и проводитъ магическій кругъ; такъ что, кромѣ одного Танкреда, лѣсъ становится совершенно недоступнымъ ни для одного изъ христіанскихъ рыцарей, представляясь окруженнымъ огненною стѣною. Но и самъ Танкредъ не можетъ пособить дѣлу: лишь только онъ приметя рубить дерево своимъ мечемъ, изъ дерева начинаетъ сочиться кровь и выходящій оттуда голосъ, подобный голосу Клоринды, сообщаетъ рыцарю, что въ этихъ деревьяхъ заключены души павшихъ

подъ Іерусалимомъ воинствѣ. Танкредъ, не смотря на всѣ свои сомнѣнія, не можетъ противостоять очарованію. — Къ довершенію несчастія, само небо, какъ будтобы, стало не благопріятствовать христіанамъ: солнце вступило въ знакъ рака и посылаетъ на землю всепожирающій зной, изсушившій всѣ источники и томящій крестоносцевъ невыносимою жаждою. Готфредъ обращается съ пламенною молитвою къ Богу; Господь, внявъ моленію благочестиваго вождя, посылаетъ съ неба обильный дождь и открываетъ ему въ сновидѣніи, что только одинъ Ринальдъ въ состояніи разрушить чародѣйство и свалить лѣсъ, необходимый для осады.

Вотъ здѣсь то и начинается третья часть эпического дѣйствія въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“, которую самъ поэтъ называетъ поворотомъ и ясно обозначаетъ слѣдующими словами Вседержителя:

Исполнилось! Всевышній рекъ:
 Поборники Христовы—
 Избранный мой народъ—протекъ
 Пути скорбей терновы;
 Коварный міръ и злобный адъ
 Карали рать Готфреда.
 Отсель событій новый рядъ,
 И слѣдомъ ей—побѣда.
 Да снидетъ дождь, и вступитъ въ станъ
 Герой непобѣдимой,
 Разсѣветъ строн Египтянь
 И бури пройдутъ мимо! ¹⁾

Два рыцаря, Карль и Убальдъ, немедленно отправляются для отысканія Ринальда. Пользуясь совѣтами одного христіанскаго подвижника, указаннаго имъ Петромъ Пустыникомъ, они проникаютъ въ волшебные сады Армиды, представляющіе чудо восточной роскоши и нѣги. Оба рыцаря, выждавъ моментъ, когда Армида удалилась отъ Ринальда, ставятъ предъ нимъ волшебное зеркало, въ которомъ тотъ съ величайшимъ для себя стыдомъ узнаетъ свою фигуру, одѣтую въ женское платье, и даже видитъ состояніе своей души, опустившейся въ постыдную слабость. Быстро пробу-

¹⁾ „Освобожденный Іерусалимъ“ XIII п. 145 стр.

ждается въ немъ прежнее мужество со свойственною ему жаждою славы и онъ горитъ желаніемъ загладить свой позоръ новыми геройскими подвигами. Тщетно теперь Армида примѣняетъ всѣ свои волшебства, напрасны всѣ ея нѣжныя и полныя любви просьбы, чтобы удержать Ринальда: навязаніе преступной любви разсѣялось и Ринальдъ отбѣзжаетъ съ обоими рыцарями, отказывая Армидѣ даже въ позволеніи за собой слѣдовать. Очнувшись отъ оцѣпененія, въ которое повергла ее скорбь объ утратѣ Ринальда, она уничтожаетъ свой волшебный замокъ вмѣстѣ съ чудными садами и спѣшитъ въ Газу, чтобы въ войскахъ египетскаго царя бороться противъ христіанъ (13—16 п.).

На пути изъ волшебнаго замка Армиды, Ринальдъ заходитъ къ тому самому христіанскому подвижнику, который раньше открылъ его мѣстопребываніе двумъ искавшимъ его рыцарямъ, и получаетъ отъ него, какъ Ахиллесъ отъ Ѳетиды, драгоценное вооруженіе: въ особенности прекрасенъ былъ щитъ, на которомъ изображены славныя дѣла его предковъ, способные возбудить въ немъ соревнованіе. По приходѣ въ лагерь, онъ кается въ своемъ проступкѣ предъ Петромъ Пустынникомъ и тотъ приказываетъ ему совершить благоговѣйное паломничество на масличную гору. Послѣ этого Ринальдъ отправляется въ полный ужаса волшебный лѣсъ и, не смотря на всѣ ухищренія злой силы, валитъ первое дерево, съ паденіемъ котораго совершенно исчезаетъ всякое волшебство. Приготовивъ орудія, необходимыя для осады, Готфредъ ведетъ крестоносное воинство на штурмъ Іерусалима. Происходитъ ожесточенная рѣшительная битва, при чемъ въ воздухѣ надъ полемъ сраженія собирается небесное воинство, къ которому присоединяются души павшихъ подъ стѣнами города воиновъ. Наконецъ, крестоносная когорта водружается на городской стѣнѣ и только отдѣльныя стычки храбрѣйшихъ воиновъ все еще не прекращаются. Между прочимъ, Танкредъ держитъ полный ожесточенія поединокъ съ дикимъ Аргантомъ, въ которомъ послѣдній погибаетъ, а первый остается тяжело раненнымъ на полѣ сраженія (17 и 18 п.).

Послѣднюю заключительную часть эпопеи составляетъ побѣда крестоноснаго воинства надъ войсками египетскаго царя, призванными Аладиномъ для освобожденія Іерусалима

отъ осады. Чтобы развѣдать о движеніяхъ этого войска, Готфредъ посылаетъ Вафрина, оруженосца Танкреда, который, проникнувъ въ мусульманскій лагерь, встрѣчаетъ тамъ, между прочимъ, Эрминію. Последняя, узнавъ о жестокой участи Танкреда, слѣдуетъ за развѣдчикомъ въ лагерь крестоносцевъ, выводитъ рыцаря своими воплями изъ тяжелаго обморока и по его требованію переноситъ его въ Іерусалимъ, чтобы ему можно было умереть тамъ, согласно обѣту, у гроба Господня.—Между тѣмъ египетское войско является предъ Іерусалимомъ и наступаетъ послѣднее рѣшительное сраженіе. Со стороны мусульманъ падаетъ Аладинъ, убитый Раймондомъ, а со стороны христіанъ трогательно погибаетъ отъ руки Солимана юная брачная чета, Гильдиппа и Одоардъ. За гибель обоихъ супруговъ Ринальдъ мститъ Солиману смертію. Армида, потерявшая теперь всѣхъ своихъ защитниковъ, хочетъ покончить самоубійствомъ; но ее останавливаетъ во время подоспѣвшій Ринальдъ, испрашивая у нея прощенія и выражая желаніе быть ея рыцаремъ. Въ самомъ концѣ „Освобожденнаго Іерусалима“ поэтъ представляетъ благочестивому Готфреду, все время руководившему общою битвою, совершить послѣдніе побѣдные подвиги:

Такъ битву довершилъ Готфредъ!
 Еще не закатился
 Послѣдній тихій солнца свѣтъ,—
 И въ градъ онъ возвратился—
 Въ спасенный имъ Ерусалимъ—
 Предвѣчнаго обитель;
 И въ храмъ съ воинствомъ своимъ,
 Въ крови весь, побѣдитель
 Сложилъ оружіе побѣдъ
 И Гробу поклонился
 И, данный разрѣшивъ обѣтъ,
 Въ восторгъ прослезился ¹⁾.

Таково общее содержаніе обширной религіозно-романтической поэмы Торквато Тассо, изъ котораго уже можно усматривать отчасти разнородность ея внутренняго состава и

¹⁾ „Освобожденный Іерусалимъ“ XX п. 255 стр.

свойственную древнимъ строгую законѣнность въ развитіи общаго плана. Но въ болѣе ясныхъ чертахъ это откроется, безъ сомнѣнія, при разсмотрѣніи вопроса объ ея общемъ художественномъ значеніи.

(Продолженіе будетъ).

I. Татарскій.
